

Издатель

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Научный электронный журнал

Studia Humanitatis Borealis

<https://sthb.petrSU.ru>

№ 1(1). Декабрь, 2013

Главный редактор

А. В. Волков

Редакционный совет

К. К. Бегалинова
В. Вамбхейм
В. Н. Захаров
Ю. Корпела
К. Кроо
С. А. Лебедев
Б. В. Марков
А. Л. Топорков
Е. О. Труфанова
Р. Ямагути

Редакционная коллегия

С. В. Волкова
Е. Ю. Ежова
Г. В. Жигунова
А. Ф. Иванов
Л. И. Кабанова
Л. А. Ключкина
Н. И. Мартишина
Ю. А. Петровская
Н. А. Пруель
А. Ю. Тихонова
Л. В. Шиповалова

Службы поддержки

А. Г. Марахтанов
И. И. Куроптева

ISSN 2311-3049

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 410.
E-mail: studhbor@petrsu.ru
<https://sthb.petrSU.ru>

УДК 327

Парадипломатическая деятельность как инструмент регионального развития: к постановке вопроса

ЯРОВОЙ
Глеб
Олегович

*кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии и международных
отношений,
Петрозаводский государственный университет,
факультет политических и социальных наук,
Петрозаводск, gleb.yarovoy@mail.ru*

Ключевые слова:

региональная парадипломатия
трансграничное сотрудничество
трансграничная региональная
интеграция
Европейский инструмент соседства
обучающийся регион

Аннотация:

В статье рассматривается категория «региональная парадипломатия». Основная задача статьи — показать, что ресурсы внешней среды могут и должны использоваться региональными властями и другими акторами в целях социально-экономического и культурного развития. Для этого проводится анализ форм и инструментов региональной парадипломатии: интернационализации, транснационализации и трансграничного сотрудничества в теоретической и практической перспективе. Каждая из форм региональной парадипломатии иллюстрируется на примере Республики Карелия. На основе изучения практики региональной парадипломатии применительно к Республике Карелия автор приходит к выводу о том, что не все формы «общения» с внешней средой используются региональными акторами одинаково эффективно. Для превращения республики в «обучающийся регион», соответствующий требованиям, предъявляемым к любым типам сообществ современной глобальной политикой и глобальной экономикой, необходимо больше внимания уделять взаимодействию с международными правительственными и неправительственными организациями, иностранными государствами, а также субгосударственными акторами в Европе.

© 2013 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2013 года

Усиление влияния субнациональных акторов (в первую очередь — регионов, единиц административно-государственного деления государств) во внутренней политике государств и в международных отношениях — это общемировой процесс. В ближайшем соседе и, по совместительству, основном торгово-экономическом партнере России — Европейском союзе — субгосударственные регионы активно участвуют в процессах общеевропейского управления. Необходимо признать, что этот факт является важным для понимания сути происходящей трансформации европейской политики — становления принципов многоуровневого управления (*multilevel governance*), где субгосударственным акторам отводится не менее важная роль, чем остальным участникам процесса.

Европейские регионы (и даже местные власти) стремятся не отставать от происходящих изменений и активно способствуют повышению собственной значимости, извлекая для себя

дополнительные дивиденды на европейском уровне. В первую очередь происходит это посредством участия регионов в деятельности многочисленных межрегиональных ассоциаций, лоббирующих региональные интересы, а также путем налаживания прямого диалога между представителями региональных (и местных) властей и общественных акторов (бизнес-ассоциаций и др.) с европейскими институтами власти, в первую очередь — Европейской комиссией.

Российские регионы почувствовали себя акторами международных отношений лишь в процессе децентрализации управления, последовавшей после распада Советского Союза. Конституции некоторых национальных республик указывали на самостоятельность участия регионов в международных и внешнеэкономических отношениях [2]. В региональных правительствах были созданы специализированные подразделения, ответственные за развитие международных связей. Наиболее активные субъекты федерации вступали в европейские региональные ассоциации (например, Ассамблея европейских регионов, Ассоциация европейских приграничных регионов) и входили в состав трансграничных регионов (например, Баренцев Евро-Арктический регион). С другой стороны, и правительства соседних иностранных государств и даже международные организации проявляли заинтересованность в установлении прямых контактов с российскими регионами.

Таким образом, еще в 1990-е гг. у целого ряда субъектов федерации сложилась устойчивая и довольно сложная система отношений с внешней средой,¹ которая в западной, а теперь и в отечественной политической науке именуется *региональной парадипломатией*. Одно из наиболее известных определений парадипломатии гласит [22; 46]: «*парадипломатия является деятельностью субгосударственных акторов (субъектов федераций, регионов, урбанистических сообществ, городов) параллельной, дополняющей, скоординированной, и, зачастую, входящей в противоречие с традиционной межправительственной дипломатией*».

Представляется, что основная причина популярности данной дефиниции заключается в том, что она вмещает в себя практически все возможные формы международной активности субгосударственных акторов, не раскрывая при этом существа и содержания искомого термина. Следовательно, любой автор может использовать ее в качестве базового определения, вкладывая в понятие парадипломатии тот смысл, который является наиболее подходящим для конкретного исследования.

Для того чтобы точнее определить потенциал использования региональной парадипломатии в целях регионального развития, следует как минимум определить формы и направления парадипломатической деятельности. Один из патриархов парадипломатических исследований И. Духачек предлагает выделять четыре типа «инициатив нецентральных правительств на международной арене» [12; 240—248]: трансграничная региональная микродипломатия (*transborder regional microdiplomacy*), трансрегиональная микродипломатия (*transregional microdiplomacy*), глобальная парадипломатия (*global paradiplomacy*) и протодипломатия (*protodiplomacy*). Трансграничная региональная микродипломатия и трансрегиональная микродипломатия представляют собой контакты между регионами разных государств, связанные или не связанные общей границей и *общими проблемами*. Глобальная парадипломатия, по Духачеку, — это разнообразные контакты нецентральных правительств с «торговыми, промышленными и культурными центрами» на других континентах, а также иностранными правительственными инстанциями. Экономические, социальные и культурные связи с другими государствами «с более или менее сепаратистскими намерениями» он именует протодипломатией.

В начале 2000-х гг. один из наиболее авторитетных специалистов в сфере изучения парадипломатической активности регионов А. Лекур дал уточняющую трактовку форм парадипломатии [17; 93]: «*международная активность [региональных] правительств [стала] легко узнаваема: они имеют зарубежные представительства (обычно именуемые «офисами» или «домами»), ведут торговые миссии, проводят переговоры и подписывают соглашения или даже договоры, участвуют в деятельности региональных / международных организаций и входят в двухсторонние отношения с государствами и / или другими региональными правительствами*».

Обобщая сказанное, можно обозначить основную цель региональной парадипломатии: использовать дополнительные ресурсы и возможности внешней среды для реализации собственной региональной программы (см., напр.: [18; 26—30]), т. е. тех целей, которые стоят перед регионом, прежде всего в сферах социально-экономического и культурного развития. Конечно, можно говорить и о политической составляющей регионального развития (то, что в региональных исследованиях называется регионализмом (см. подробнее: [7]), или требованием децентрализации власти и управления), но все же главной целью парадипломатической деятельности остается

социально-экономическое развитие региона. Экономическое благосостояние как одну из основных проблем, решаемых с помощью региональной парадипломатии, выделяет большинство исследователей (см., напр.: [11], [15], [16], [18]).

Формы и направления региональной парадипломатии

Тремя основными формами региональной парадипломатии можно считать интернационализацию, транснационализацию и трансграничное сотрудничество [1; 532–534].

Интернационализацию можно определить как стремление регионов продвигать интересы своей территории путем прямого или косвенного — через своих партнеров — общения региональных акторов (в первую очередь региональных властей) с иностранными правительствами или международными наднациональными организациями типа Европейского союза или Совета министров Северных стран. Интернационализация была исторически первым типом парадипломатической деятельности. Так, М. Фарукшин отмечает, что еще в 1882 г. провинция Квебек назначила своего генерального агента в Париже [5; 203]. Случай Квебека привлек внимание многих исследователей уже во второй половине XX в., но сначала рассматривался как своеобразная региональная девиация, провокационное и безрассудное поведение субгосударственного правительства [21; 614].

На европейском континенте интернационализация региональной политики становится неотъемлемой частью политической реальности в 1990-е гг.; она связана со стремлением региональных властей воздействовать на процесс принятия различными институтами Евросоюза политических решений, которые прямым или косвенным образом касаются регионального развития. Данное влияние, получившее название *регионального лобби*, осуществляется главным образом посредством учреждения в Брюсселе, «столице» ЕС, регионального представительства, или «офиса».

Первые региональные офисы, появившиеся в Брюсселе еще в середине 1980-х гг., принадлежали городским и региональным советам Великобритании и историческим немецким землям. [10; 227] У этих представительств были изначально разные функции, что привело к формированию двух разных моделей — британской и немецкой.

Британская модель подразумевала в первую очередь привлечение финансовых ресурсов, выделяемых Евросоюзом на поддержку регионов, в региональную экономику. Так, еще в начале 1990-х гг., Региональному совету Стрессклайда (*Strathclyde Regional Council, Scotland*), что в Шотландии, удалось в течение нескольких лет привлечь в региональный бюджет порядка 500 млн фунтов стерлингов благодаря высокой активности брюссельского офиса [19; 277].

Основная задача региональных офисов, работающих по немецкой модели, состоит в отстаивании интересов *земель* как самостоятельных политических акторов, имеющих вес на общеевропейском уровне. Обладая значительной автономией и законодательными полномочиями, немецкие земли с момента основания первых представительств ставили своей целью недопущение любого сокращения их региональной власти со стороны государства [14; 4]. Это, однако, не мешает и активному экономическому лоббированию. Такая деятельность особенно заметна в представительствах восточногерманских земель.

В последнее время в результате процессов децентрализации, регионализации и расширения ЕС эти модели, эволюционировав, несколько сблизились. Следовательно, большинство представительств выполняют схожие функции. Помимо указанных выше функций экономического и политического лоббирования, можно выделить информационные задачи — сбор, анализ, обмен и передача информации о законодательстве ЕС в свой регион, а в обратную сторону — о положении дел в собственном регионе; функцию сетевого сотрудничества между представительствами регионов разных государств; функцию посредничества между региональными и местными властями и институтами Евросоюза.

Исследователи отмечают, что лоббирование европейских органов власти путем учреждения регионального представительства в Брюсселе на сегодняшний день перестало быть чем-то особенным для большинства европейских регионов. Они относят такое лоббирование к первой фазе регионального участия в общеевропейской политике. Следующей фазой для многих регионов (особенно это относится к «сильным» регионам) становится проникновение на наднациональный уровень через государственные каналы: регионы ведут переговоры с центральными властями, пытаются влиять на их позицию по европейским вопросам, зачастую даже входят в состав официальных национальных делегаций в Европейском Совете. Третья фаза — прямое и формальное участие региона в процессе принятия решений на общеевропейском уровне. Используя весь спектр приемов региональной парадипломатии и лобби, наиболее влиятельные регионы настаивают на необходимости создания второй палаты в Европарламенте, где заседали бы напрямую избранные депутаты от регионов или представители

региональных и национальных парламентов [24; 215].

Для большинства российских регионов интернационализация не является приоритетным направлением развития внешних связей. Региональные власти не связывают напрямую региональное развитие и общение с иностранными правительствами и руководящими органами международных межправительственных организаций. Вместе с тем подобное общение может напрямую способствовать не только улучшению имиджа региона в глазах влиятельных внешних акторов, но и приносить прямые экономические выгоды. Более того, сами потенциальные объекты парадипломатической деятельности региональных властей нередко о себе напоминают, проявляя активность.

Так, например, в феврале 2011 г. министр иностранных дел Финляндии А. Стубб посетил три приграничных региона России — Ленинградскую область, С.-Петербург и Карелию — с трехдневным официальным визитом. Финский министр предпочел ехать в «целевые» регионы, минуя Москву и исключая общение с высокими федеральными чинами [27].

Со своей стороны, глава Республики Карелия А. Худилайнен, утвержденный в этой должности в мае 2012 г., менее чем за один год посетил соседнюю Финляндию четыре раза: в августе и сентябре 2012 г. и в феврале и апреле 2013 г. В ходе визитов карельской делегации состоялось не только прямое общение с представителями бизнеса, но и велись переговоры с официальными лицами — министрами правительства Финляндии и с президентом Финляндии С. Ниинистё [26], [28], [29].

В подобных взаимных визитах кроется суть интернационализации как важной части региональной парадипломатии: прямое общение (официальное и неофициальное) региональных акторов и представителей иностранных правительственных инстанций имеет более гибкий характер, а следовательно, может быть и более плодотворным в той части, которая относится к компетенциям региональных властей. Вместе с тем оценить последствия и экономический эффект интернационализации на сегодняшний день представляется весьма проблематичным. Для того чтобы говорить о таком эффекте, необходимо хотя бы несколько лет последовательной «открытой политики» (см., напр.: [25]) в отношении соседних стран. Представляется, однако, что немногие российские регионы способны продемонстрировать такую последовательность.

Кроме официальных визитов и прямого общения с представителями иностранных правительств, интернационализация подразумевает и сотрудничество с так называемыми наднациональными организациями. Для регионов Северо-Запада России наиболее актуальной может считаться взаимодействие с Европейским союзом и Советом министров Северных стран. До их штаб-квартир, Брюсселя и Копенгагена соответственно, не так далеко. С другой стороны, небогатые (и в большинстве случаев дотационные) региональные бюджеты явно не рассчитаны не то чтобы на открытие собственного представительства в «столице» Европы или хотя бы в Северной Европе, но даже на краткосрочные визиты туда. Но и в такой ситуации не стоит отказываться от ресурсов интернационализации.

Во-первых, все финские регионы, в том числе граничащие с Россией, расположенные в Юго-Восточной, Восточной и Северной Финляндии, имеют свои представительства, региональные «офисы» в Брюсселе. При наличии договоренностей именно они могли бы, без сомнения, стать «голосом» российских приграничных регионов в Европе. В этом, конечно, они должны видеть и собственную выгоду, но это уже вопрос из разряда политических: как эту взаимную выгоду увидеть, показать и договориться. В условиях распространения на российское приграничье целого ряда европейских инструментов финансирования и главного из них — Европейского инструмента соседства и партнерства,² искать эту выгоду долго не придется. Она — в выделении из общеевропейского бюджета дополнительных средств на реализацию совместных проектов приграничного сотрудничества.

С Советом министров Северных стран (СМСС) сотрудничать еще удобнее. Для того чтобы обратиться напрямую в СМСС, не надо открывать офис в Копенгагене, поскольку СМСС сам открывает представительства в регионах Северо-Запада. Так, в С.-Петербурге и Калининграде действуют информационные офисы, а в Петрозаводске, Мурманске и Архангельске — контактные центры³. На интернет-портале информационного офиса в С.-Петербурге написано, что «основной задачей контактных центров является оказание помощи по созданию *интерактивного партнерства между Секретариатом Совета министров Северных стран в Копенгагене, Информационным бюро в С.-Петербурге и органами власти, представительствами, учреждениями, организациями в регионах*, где находятся контактные центры (курсив мой. — Г. Я.)»⁴, в чем и состоит суть интернационализации.

Транснационализация определяется как сотрудничество между территориальными субъектами государства (регионами) и транснациональными институтами типа международных неправительственных организаций (МНПО) и ассоциаций или транснациональных корпораций (ТНК) [1;

532]. Представляется, однако, что транснационализацию как одну из форм региональной парадипломатии можно разделить на два подтипа. Назовем их «транснационализация участия» и «транснационализация сотрудничества».

«Транснационализация участия» подразумевает вовлечение региона в деятельность различных межрегиональных ассоциаций, в т. ч. полноправное членство в них. Межрегиональные организации (объединения регионов), существующие в Европе на протяжении нескольких десятилетий, могут способствовать отстаиванию региональных интересов, поиску партнеров, обмену опытом и информацией, а также привлечению внешних ресурсов в региональную экономику.

В современной Европе существует великое множество региональных объединений и сетей сотрудничества. Некоторые из них были созданы несколько десятилетий назад, другие — совсем недавно. Одни многочисленны, включают более сотни регионов, другие состоят из нескольких регионов. Некоторые пользуются авторитетом на общеевропейском уровне, другие практически не заметны. Одни созданы специально для политического лоббирования на высшем уровне, другие решают весьма скромные и конкретные функциональные задачи. Объединяет их стремление к отстаиванию интересов своих членов — региональных и местных властей и общественных акторов (например, торгово-промышленных палат и им подобных организаций).

К наиболее известным и влиятельным межрегиональным организациям можно отнести, в первую очередь, Ассамблею европейских регионов (АЕР) и Ассоциацию европейских приграничных регионов (АЕПР). Отстаиванием интересов не только регионов, но и местных властей занимается Совет европейских муниципалитетов и регионов (CEMP).

Существуют и узкофункциональные организации, например «Региональное сотрудничество по вопросам ограниченности водных ресурсов» (WATEREGIO — Regional cooperation in water scarcity), «Конференция регионов, на территории которых расположены аэропорты» (ARC — Airport regions conference), «Регионы Европы без ГМО» (GMO-Free — GMO-free regions across Europe, в деятельности данной организации принимают участие семь российских регионов и городов) и т. д.

К «субрегиональным» организациям можно отнести, например, Группу Балтийского моря (Baltic Sea Group) или Союз балтийских городов (Union of the Baltic Cities, куда входят и несколько городов из России) и т. д.

Российские регионы являются членами некоторых общеевропейских организаций, таких как Ассамблея европейских регионов и Ассоциация европейских приграничных регионов. Приходится констатировать, однако, что участие российских регионов в деятельности этих организаций зачастую остается лишь символическим, формальным.

Так, в разделе «Визитные карточки регионов — членов АЕР»⁵ на сайте Ассамблеи может быть размещена информация о каждом регионе — любая, которую региональные власти сочтут адекватной для размещения и возможного продвижения своих интересов или для отражения своей позиции. На сегодняшний день ни один российский регион не разместил на своей странице никакой информации. Более того, количество российских регионов, членов АЕР, упомянутых на официальном сайте, заметно сократилось: на сегодняшний день членами организации значатся только Республика Мордовия и Республика Татарстан, а Архангельская область имеет статус наблюдателя. В недавнем прошлом среди членов АЕР значились Республики Карелия и Ингушетия, а также Самарская область.

Представляется, что известное игнорирование деятельности АЕР российскими регионами-членами связано с тем, что интересы Ассамблеи в основном лежат в контексте европейской интеграции, к которой российские регионы прямого отношения не имеют. Думается, однако, что для наших регионов АЕР могла бы быть полезна для привлечения к себе дополнительного внимания иностранных партнеров, в т. ч. инвесторов, а также в плане обмена опытом, развития и совершенствования собственных компетенций в таких областях, например, как трансграничное сотрудничество.

Возможно, именно осознание полезности взаимодействия с подобными организациями способствует всплескам российской региональной активности в АЕР. Так, в августе 2012 г. в Россию с рабочим визитом приезжал генеральный секретарь Ассамблеи европейских регионов г-н Паскаль Герген. Он проводил рабочие встречи в Правительстве РФ, а затем по приглашению региональных властей посетил с официальным визитом Мордовию⁶. В октябре того же года он вернулся в Россию, чтобы принять участие в XI Общероссийском форуме «Стратегическое планирование в регионах и городах России»⁸.

И все же в современных российских реалиях региональные чиновники зачастую предпочитают камуфлировать отсутствие желания и / или возможностей использовать всю полноту ресурса интернационализации словами о том, что «участие в этой международной организации может быть

более затратным, чем преимущества, которые можно извлечь (*курсив мой.* — Г. Я.)» [6].

Российские регионы не отличаются активностью и в Ассоциации европейских приграничных регионов. Из сотни приграничных и трансграничных регионов в Европе, участвующих в деятельности АЕПР, несколько трансграничных регионов представляют российское приграничье — еврорегион «Карелия», еврорегион «Псков — Ливония», еврорегион «Балтика», еврорегион «Неман», еврорегион «Сауле». Несмотря на такое существенное представительство, российские региональные власти, в силу объективных и субъективных причин⁹, пока не заметны на фоне своих европейских коллег и не используют в должной мере этот ресурс регионального развития.

«Транснационализация сотрудничества» — это деятельность региональных властей по налаживанию отношений с различного рода транснациональными акторами (ТНА). Примерами данного вида региональной парадипломатии является взаимодействие с ведущими международными неправительственными организациями (МНПО), такими как GreenPeace, Всемирный фонд дикой природы (WWF), Международный комитет Красного креста и т. п.

Многие МНПО могут быть весьма полезны в решении вопросов социального характера: борьба с заболеваниями, работа с различными категориями населения, испытывающими жизненные сложности, права женщин и т. п. Другие организации обладают уникальной информацией, опытом, экспертными знаниями в самых разных областях, которые могут быть отнесены к региональным компетенциям — от охраны окружающей среды до защиты прав человека и антикоррупционной деятельности.

В сотрудничестве с региональными властями, региональными и местными некоммерческими организациями (НКО) они могут выполнять функции как на «входе», так и на «выходе» из политической системы: помогать в артикуляции интересов различных социальных групп и способствовать улучшению законодательства, равно как и выполнять конкретные задачи по работе с населением. Важной особенностью деятельности МНПО и их партнеров является то, что они не требуют от региональных властей дополнительных материальных ресурсов; напротив, готовы предоставить собственные или привлеченные из различных источников средства. Таким образом, не пополняя напрямую региональные бюджеты, данные организации способствуют региональному развитию.

Кроме того, наличие представительства той или иной крупной и авторитетной МНПО в регионе может позитивно сказаться на его имидже, будет говорить об открытости региональных властей. Можно с уверенностью говорить о том, что *улучшение имиджа, восприятия региона внешними акторами, потенциальными партнерами, является одной из важных функций парадипломатической деятельности*, поскольку способно косвенным образом повлиять на региональное развитие, способствуя, например, привлечению инвесторов. Однако для того, чтобы этот инструмент работал, региональные власти должны быть открыты и готовы к сотрудничеству не на словах, а на деле, не стесняться говорить о региональных проблемах «на чистоту», способствовать привлечению внимания международных некоммерческих организаций к своим проблемам, уметь налаживать конструктивный диалог¹⁰.

Говоря о необходимости привлечения внешних инвесторов как о важном компоненте регионального развития, следует отметить, что целенаправленные действия регионального руководства по «заманиванию» в регион транснационального капитала также можно считать компонентом «транснационализации сотрудничества».

Именно этот аспект внешнеэкономической активности чаще других используется региональными властями и менее всего воспринимается ими как парадипломатическая деятельность. Существует специфическая терминология: привлечение инвесторов, инвестиционная привлекательность, инвестиционная политика и т. д. Есть понятные способы оценки эффективности инвестиционной политики, связанные с определением объемов привлеченных финансовых средств (прямых инвестиций) и динамикой их увеличения или уменьшения¹¹.

Таким образом, два компонента «транснационализации сотрудничества» в реальной действительности вполне могут быть взаимосвязанными и взаимодополняющими. Позитивный имидж региона, признание высокой степени открытости региональных и местных властей (здесь следует говорить не о внутрироссийских рейтингах, а о международном признании такой открытости) способен вдохновить иностранного инвестора. Успешный опыт работы одной транснациональной корпорации способен привлечь внимание других подобных ТНА. И наоборот: можно сколько угодно «расписывать» собственные преимущества, но, не имея конкретных примеров успешно реализованных проектов, сложно рассчитывать на инвестиционный бум.

Еще одним видом региональной парадипломатии является *трансграничное сотрудничество*. Трансграничное сотрудничество (ТГС) — это институционализированное сотрудничество

субгосударственных (региональных или местных) властей и общественных акторов двух и более государств, расположенных по разные стороны государственной границы, основанные на официальных соглашениях и принимающие форму трансграничных регионов [9; 185].

Трансграничное сотрудничество, будучи частью парадипломатической деятельности субгосударственных (региональных и местных) властей, является одним из важнейших направлений современных международных отношений в Старом Свете и, в частности, в «Новой Северной Европе» (подробнее о понятии «Новая Северная Европа» см.: [4], [13]). Сотрудничество между территориальными общностями, расположенными в нижней части современной иерархии территориального управления и, следовательно, основанными на взаимодействии между людьми (people-to-people), является также важным фактором обеспечения безопасности (в ее невоенных, «мягких» аспектах) посредством повышения уровня доверия между населением приграничных регионов соседних стран, создания «сообществ безопасности» на региональном уровне в трансграничном контексте.

Организационно данный процесс выражается в создании различного рода трансграничных регионов. В «Новой Северной Европе» встречаются различные типы трансграничных регионов: от «рабочих сообществ» и «Северных еврорегионов» до «еврорегионов в стадии становления» и «интегрированных еврорегионов» [20]. Трансграничные регионы располагаются не только на внутренних границах стран — членов ЕС или участниц СМСС, но и на границе России и стран Европейской экономической зоны (ЕЭЗ включает в себя страны ЕС, а также Норвегию, Исландию и Лихтенштейн).

Все более действенным инструментом продвижения ТГС становятся так называемые еврорегионы, первые из которых были образованы на границе России и Евросоюза еще в 1990-е гг. Сегодня еврорегионы функционируют не только на внутренних и внешних границах ЕС, но и на границах между государствами-членами СНГ: России, Украины, Беларуси, Молдовы. На границе России и ЕС в границах «Новой Северной Европы» действует около десятка ТГР (еврорегионов): Баренцев Евро-Арктический регион (регионы России: Мурманская и Архангельская области, республики Карелия и Коми, Ненецкий автономный округ и регионы Норвегии, Финляндии, Швеции), «Карелия» (Республика Карелия и регионы Финляндии), «Балтика» (Калининградская область и регионы Дании, Литвы, Польши, Швеции), «Сауле» (Калининградская область и регионы Латвии и Литвы), «Шешупе» (Калининградская область и регионы Латвии и Литвы), «Неман» (Калининградская область и регионы Латвии и Польши), «Лына — Лава» (Калининградская область и регионы Польши), «Псков — Ливония» (Псковская область и регионы Латвии и Литвы), регион Чудского озера (Псковская область и регионы Латвии и Эстонии). На некоторых участках границы образование еврорегионов планируется: например, на участке российско-финляндской границы в Ленинградской области.

По разработанным в западной политической науке классификациям, «российские» трансграничные регионы можно отнести в основном к типу «рабочих сообществ» или «еврорегионов в стадии становления», что указывает на относительно невысокую степень интенсивности сотрудничества и, следовательно, свидетельствует о его ограниченной эффективности. Однако в конце 2000-х гг. наметился сдвиг в функционировании «внешних» ТГР, что проявилось, в частности, в активизации проектной деятельности.

Проектная деятельность — основной инструмент продвижения трансграничного сотрудничества как на внутренних, так и на внешних границах ЕЭЗ. Именно совместные проекты вносят наиболее заметный вклад, прямой (экономические, инвестиционные и инфраструктурные проекты) и косвенный (проекты в сфере защиты окружающей среды, сохранения традиционной культуры, развития гражданского общества и т. д.), в региональное развитие.

Следовательно, и примеров реализованных совместных проектов трансграничного сотрудничества можно привести немало. Так, только за первые десять лет существования еврорегиона «Карелия» (2000—2009 гг.) на территории Республики Карелия было осуществлено около ста проектов в рамках существовавших инструментов финансирования трансграничного сотрудничества, в первую очередь — программ Европейского союза Тасис (на общую сумму свыше 21 млн 700 тыс. евро) и Интеррег. И даже несмотря на то что результаты некоторых проектов были признаны Европейской комиссией неэффективными [23], а идея еврорегиона, похоже, не приобрела сколь-нибудь значительной популярности среди населения, еще в середине 2000-х гг. было принято стратегическое решение о продолжении и даже увеличении финансирования трансграничного сотрудничества на внешних границах Евросоюза в рамках программ Европейского инструмента соседства и партнерства. Программа была реально запущена в 2010 г.; проекты, получившие и получающие финансовую поддержку, должны

были завершены до конца 2014 г. Общий бюджет программы ENPI CBC «Карелия» составил 46,4 млн евро; 62 проекта (в т. ч. пять крупномасштабных инфраструктурных проектов)¹².

Главная особенность проектной деятельности в рамках ЕИСП состоит в том, что впервые в практике трансграничного сотрудничества на границе России и ЕС применены принципы, позволяющие реализовывать действительно совместные (joint) проекты. Этому способствует, во-первых, правило со-финансирования, согласно которому Россия и Финляндия вносят в общий бюджет программы равно столько же, сколько выделяет Евросоюз. Во-вторых, принцип совместного управления программами. Все решения в органах, ответственных за отбор и мониторинг проектной деятельности принимаются на основе консенсуса, при этом представительство российской и финляндской сторон в этих органах равно¹³.

Всесторонняя оценка эффективности программы, которая завершается в следующем году, пока не проводилась. Однако уже сегодня можно констатировать, что и Европейский союз, и Россия признают полезность проектной деятельности в рамках трансграничного сотрудничества. Главный аргумент в пользу такого заявления — решение о продолжении со-финансирования программ трансграничного сотрудничества в рамках обновленного «Европейского инструмента соседства» (ЕИС, European Neighbourhood Instrument) в 2014—2020 гг. Предполагаемый объем финансирования всех программ в рамках ЕИС составляет более 18 млрд евро¹⁴, из них, по словам представителя Европейской комиссии Алехандро Эггеншвилера, на проекты трансграничного сотрудничества может быть выделено около 700 млн евро. В дополнение к этой сумме на развитие трансграничного сотрудничества будут выделены средства из Европейского фонда регионального развития¹⁵.

Уже сейчас видны очертания будущих программ сотрудничества на границе Финляндии и России. В частности, на состоявшемся в С.-Петербурге в мае 2013 г. организационном семинаре¹⁶ по российско-финляндским программам приграничного сотрудничества эксперты отмечали, что состав программ и их география останутся неизменными, сохранится и правило со-финансирования проектов со стороны России. Поскольку «программы ТГС рассматриваются как инструмент регионального развития», то проекты в сфере экономического развития и инвестиционные проекты будут объявлены приоритетными. Также заявлено, что инвестиционные проекты должны быть сфокусированы непосредственно в приграничных районах. Хочется надеяться, что переговоры завершатся согласованным решением о формате, принципах реализации, правилах и объемах финансирования до окончания периода реализации текущих проектов, т. е. до конца 2014 г.

Региональная парадипломатия не является изобретением XXI в. Но именно особенности современного мира, характеризующегося процессами глобализации, интеграции и регионализации, ставят региональные власти во всем мире перед необходимостью искать партнеров и «добывать» дополнительные ресурсы регионального развития во внешней среде. Глобализация заставляет регионы конкурировать, одновременно предоставляя и дополнительные возможности для развития.

Россия, безусловно, не является исключением. Для российских регионов, особенно для периферийных, дотационных, приграничных, три вида парадипломатии — интернационализация, транснационализация и трансграничное сотрудничество — могут и должны стать инструментом регионального развития.

Сложно утверждать, что потенциал парадипломатии совсем не используется: региональные власти сотрудничают друг с другом (трансграничное сотрудничество), ведут переговоры с иностранными правительствами и межправительственными организациями (интернационализация), привлекают транснациональный капитал (транснационализация).

Некоторые виды региональной парадипломатии, например привлечение инвестиций или создание трансграничных регионов, уже стали традиционными, хоть и не воспринимаются властями в терминах «парадипломатической деятельности». Важность и необходимость других аспектов внешней активности, вероятно, представляется им недостаточно очевидной.

В этой связи необходимо помнить, что региональное развитие не ограничивается решением экономических и социальных проблем. Современные подходы к региональному развитию требуют не просто устойчивости и стабильности, но и перехода к экономике знаний. Каждый регион, претендующий на конкурентоспособность на глобальной арене (а именно такая задача должна ставиться не только на государственном, но и на субгосударственном уровне), должен стать «обучающимся», т. е. нацеленным на «непрерывный процесс интеграции всех региональных подсистем и институтов на основе взаимного обучения» [3; 81]. Максимальное и всестороннее использование возможностей и ресурсов внешней среды для регионального развития — одно из неперенных условий становления «обучающегося региона».

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В данном случае к внешней среде можно отнести практические любые виды надгосударственных, государственных, субгосударственных и негосударственных институтов, которые расположены «за границами» государства, к которому этот регион принадлежит, — это другие регионы, органы государственной власти других государств, органы управления ЕС или других международных организаций, межрегиональные ассоциации и ассоциации местных властей, международные неправительственные организации и даже транснациональные корпорации.

[2] Европейский инструмент соседства и партнерства действует до 2014 г. Вместе с тем нет никаких сомнений в том, что подобный инструмент будет действовать и в следующий финансовый период (2014—2020 гг.), хоть и в несколько видоизмененном виде. К слову, изменение параметров данного инструмента финансирования приграничного сотрудничества на границе России и ЕС могло бы стать одним из очевидных приоритетов совместного регионального лоббирования в Брюсселе.

[3] Информация официального сайта Совета министров Северных стран (<http://www.norden.org/en/nordic-council-of-ministers/the-secretariat-to-the-nordic-council-of-ministers/nordic-council-of-ministers-information-offices-in-the-baltic-states-and-russia>).

[4] Информация официального сайта Информационного бюро Совета министров Северных стран в Санкт-Петербурге (<http://norden.ru/Article.aspx?id=85&lang=ru>).

[5] Информация официального сайта Ассамблеи европейских регионов (<http://www.aer.eu/en/what-is-aer/members-and-partners/member-regions.html>).

[6] Обращает на себя внимание тот факт, что по результатам визита г-н Герген направил письмо президенту РФ В. В. Путину, «в котором выразил поддержку кандидатуре г. Саранска на проведение игр Чемпионата мира по футболу 2018 года». Ну чем не эффект транснационализации? (См.: http://minesco.e-mordovia.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1037:2012-08-29-11-40-35&catid=38:aktualnaya-informaciya).

[7] См. официальный сайт форума (<http://2012.forumstrategov.ru/eng/news79.html>).

[8] Информация официального сайта Казанского (Приволжского) федерального университета (http://www.kpfu.ru/main_page?p_cid=43856).

[9] Некоторые из этих причин весьма очевидны. К ним, в частности, относится уже упомянутые проблемы с выделением бюджетных денег, а также наличие в достаточном количестве специализированных ведомств или подразделений, в ведение которых входили бы внешние связи и которые занимались бы этим профессионально и постоянно. К другим вероятным проблемам можно отнести и отсутствие профессиональных компетенций и мотивации, необходимых для ведения парадипломатической деятельности.

[10] Неумение или нежелание использовать этот инструмент парадипломатии может иметь негативные последствия: вместо улучшения имиджа региона региональные власти могут предстать в неблагоприятном свете, в том числе и в результате появления искаженной информации. Одним из последних примеров является реакция российского отделения Гринпис (Greenpeace International) на проблемы создания Национального парка «Ладожские шхеры» в Республике Карелия. Несмотря на неоднозначность проблемы, представители Гринпис, с подачи местных экологических НКО, обратились к президенту России с петицией, в которой деятельность региональных чиновников напрямую называется «губительной» для окружающей среды и «коррупционной» по своей сути. (См. подробнее: <http://m.greenpeace.org/russia/ru/high/news/2013/05-29-karelia-park/>).

[11] См., например, методику расчета прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в регионы России, а

также региональный рэнкинг, представленный «Национальным рейтинговым агентством» (Прямые иностранные инвестиции в России : региональный аспект : аналит. обзор, октябрь 2013 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.ra-national.ru/uploads/rus/files/analytic/file_review/14.pdf, свободный). В рэнкинге «Приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в расчете на душу населения в регионах РФ в 2012 г. без учета инвестиций из офшорных территорий» Республика Карелия занимает 26-е место с показателем 54,34 доллара США на душу населения, демонстрируя существенный рост этого показателя (150 %) по сравнению с 2011 г. Характерно, что список стран-инвесторов возглавляет Финляндия с долей 69 % от всех ПИИ в регион.

Нынешнее республиканское руководство не случайно определило внешнеэкономическую инвестиционную политику одним из важнейших приоритетов регионального развития. В первые месяцы своего пребывания на посту главы Карелии А. Худилайнен не только посетил Финляндию и пообещал потенциальным финским инвесторам работать над инвестиционной привлекательностью региона, но и предпринял конкретные шаги по совершенствованию регионального инвестиционного законодательства (см., напр.: <http://www.interfax-russia.ru/NorthWest/exclusives.asp?id=404286>).

[12] Полный список проектов и их описание размещен на официальном сайте программы (<http://kareliaenpi.eu/ru/hankkeet>).

[13] До запуска программ ЕИСП существовала сложная система отбора и утверждения проектов, в рамках которой европейские заявители обращались с проектными предложениями в уполномоченные Еврокомиссией органы в своей стране, а российские заявители — в Делегацию Еврокомиссии в Москве. Проекты финансировались в основном за счет средств ЕС, российского национального со-финансирования не предусматривалось. (Подробнее об изменениях в структуре управления и финансирования проектов трансграничного сотрудничества (Интеррег, Тасис, ЕИСП) см.: [9; гл. 4, 5 и 6].)

[14] Информация официального сайта Европейской Комиссии (http://ec.europa.eu/europeaid/how/finance/mff/financial_framework_news_en.htm).

[15] Информация, изложенная в докладе А. Эггеншвилера, представленном на семинаре в С.-Петербурге 21 мая 2013 г. (<http://kareliaenpi.eu/images/stories/docs/a.eggenschwiler.ppt>).

[16] Программа мероприятия и презентации участников размещены на официальном сайте программы ЕИСП «Карелия» (<http://kareliaenpi.eu/ru/ohjelma/eni-cbc>).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / под ред. Л. Б. Вардомского и С. В. Голунова. М. ; Волгоград, 2002. 572 с.
2. Закон Республики Карелия от 24.12.1993 № XII-22/604 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Республики Карелия» // Ведомости Верховного Совета Республики Карелия. 1994. № 12. Ст. 604. (Ст. 1 Конституции Республики Карелия).
3. Найман Е. А. Становление концепции «обучающегося региона» в западной науке // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. Культурология и искусствоведение. 2013. № 1 (9). С. 81—91 [29].
4. Северная Европа : регион нового развития / под ред. Ю. С. Дерябина, Н. М. Антюшиной. М., 2008. 512 с.
5. Фарукшин М. Х. Сравнительный федерализм. Казань, 2003. 284 с. [12].
6. Штепа В. Не объекты, а партнеры // Столица на Онего. 2012. 24 окт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stolica.onego.ru/articles/189923.html>, свободный.
7. Яровой Г. О. Основные научные подходы к определению феномена регионализма // Северное измерение : альманах. Петрозаводск, 2010. С. 82—100.
8. Яровой Г. О. Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе. СПб., 2007. 280 с.
9. Яровой Г. О. Европейский союз для регионов : что можно и нужно знать российским регионам о ЕС / Г. О. Яровой, Е. В. Белокурова. СПб., 2012. 368 с.
10. Bindi Calussi F. The Committee of the Regions: an atypical influential Committee? // Van Schendelen

- M. (Ed.) *EU Committees as influential policymakers*. Aldershot: Ashgate, 1998. P. 225–249.
11. Bursens P., Deforche J. Going Beyond Paradiplomacy? Adding Historical Institutionalism to Account for Regional Foreign Policy Competences // *The Hague Journal of Diplomacy*. 2010. № 5. P. 151–171.
12. Duchacek I. *The Territorial Dimension of the Politics: Within, Among and Across Nations*. Boulder: Westview Press, 1986. 328 p.
13. Heininen L., Käkönen J. Introduction: What is New Northern Europe? // *The New North of Europe. Perspectives on the Northern Dimension* / Edited by Heininen L. and Käkönen J. Tampere: Tampere Peace Research Institute (Research report № 80), 1998. P. 7–13.
14. Huyseune M., Jans M. T. Brussels as the capital of a Europe of the regions? Regional offices as European policy actors // *Brussels Studies*. 2008, № 16. [Электронный ресурс]. URL: http://www.brusselsstudies.be/medias/publications/EN_57_BruS16EN.pdf
15. Keating M. *Regions and International Affairs* // Keating M., Aldecoa F. *Perediplomacy*. London: Frank Cass, 1999. P. 1–15.
16. Kuznetsov A. *Subnational Governments in International Affairs: A Study on Theory and Practice of Paradiplomacy*. Lucca: IMT Institute for Advanced Studies, 2011, [Электронный ресурс]. URL: http://e-theses.imtlucca.it/81/1/Kuznetsov_phdthesis.pdf
17. Lecours A. *Paradiplomacy: Reflections on the Foreign Policy and International Relations of Regions* // *International Negotiation*. 2002. № 7. P. 91–114.
18. Lecours A. *Political Issues of Paradiplomacy: Lessons from the Developed World*, [Электронный ресурс]. URL: http://www.clingendael.nl/publications/2008/20081217_cdsp_diplomacy_paper_paradiplomacy.pdf
19. Moore C. The Impact of Devolution on EU-Level Representation: British Regional Offices in Brussels // *Regional and Federal Studies*, 2007, Vol. 17, № 3. P. 275–291.
20. Perkmann M. *The Rise of the Euroregion. A Bird's Eye Perspective on European Cross-Border Co-Operation*, 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lancs.ac.uk/fss/sociology/papers/perkmann-rise-of-euroregion.pdf>
21. Sharafutdinova G. *Paradiplomacy in the Russian Regions: Tatarstan's Search for Statehood* // *Europe-Asia Studies*. 2003. Vol. 55. № 4. pp. 613-629.
22. Soldatos P. *Cascading Subnational Paradiplomacy in an Interdependent and Transnational World* // Fry E., Brown D. (eds.) *States and Provinces in the International Economy*. Berkeley: Institute of Governmental Studies Press, 1993. P. 112-135.
23. Summary of the Evaluation of Council Regulation 99/2000 (TACIS) and its implementation. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/europeaid/how/evaluation/evaluation_reports/evinform/2006/728_ev_en.pdf
24. Vos H. et al. The conditio sine qua non of the added value of regions in the EU: upper-level representation as the fundamental precondition // *European Integration*. 2002. Vol. 24, № 3. P. 201-218.
25. Александр Худилайнен: «Мы надеемся, что изменения в структуре экономики Карелии найдут отклик в Финляндии» [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.karelia.ru/News/2012/09/0912_10.html, свободный.
26. Александр Худилайнен: «Наши двери открыты» // *Вести — Карелия. События недели*. 2013. 20 авг. [Электронный ресурс]. URL: <http://petrozavodsk.rfn.ru/rnews.html?id=1522073>, свободный.
27. Визит Александра Стубба на Северо-Запад // *BarentsObserver*. 2011. 8 февр. [Электронный ресурс]. URL: <http://barentsobserver.com/ru/sections/politics/vizit-aleksandra-stubba-na-severo-zapad>, свободный.
28. Визит главы Республики Карелия Александра Худилайнена в Финляндию [Электронный ресурс]. URL: <http://rusfintrade.ru/site/article/2338>, свободный.
29. Нарышкин пригласил Худилайнена в Финляндию // *Карел-Информ*. 2013. 3 апр. [Электронный ресурс]. URL: <http://karelinform.ru/?id=37194>, свободный.

REFERENCES

1. Vardomsky L.B., Golunov S.V. (eds.) *Security and international cooperation in the belt of new Russian borders*. [Bezopasnost' i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v poyase novykh granits Rossii], Moscow-Volgograd, NOFMO, 2002. 572 p.
2. Law of the Republic of Karelia d.d. 24.12.1993 № XII-22/604 "On changes and additions to the Constitution (The Basic Law) of the Republic of Karelia". [Zakon Respubliki Kareliia ot 24.12.1993 № XII-22/604

«Ob izmeneniyakh i dopolneniyakh Konstitutsii (Osnovnogo Zakona) Respubliki Kareliya»). Bulletin of the Supreme Soviet of the Republic of Karelia [Vedomosti Verkhovnogo Soveta Respubliki Kareliya]. 1994. № 12. Art. 604.

3. Naiman E.A. Evolvment of the “learning region” concept in Western science. [Stanovlenie kontseptsii «obuchayushchegosya regiona» v zapadnoi nauke]. Bulletin of Tomsk State University. Series on cultural and art studies. [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Kul'turologiya i iskusstvovedenie]. 2013. №1(9). P. 81—91.

4. Deryabin Yu.S., Antyushina N.M. The Northern Europe. A region of new development. [Severnaya Evropa. Region novogo razvitiya], Moscow, Ves' mir, 2008. 512 p.

5. Farukshin M. Kh. Comparative Federalism. [Sravnitel'nyi federalizm], Kazan: Kazan University Publ., 2003. 284 p.

6. Shtepa V. Partners, not objects. [Ne ob'ekty, a partnery]. Capital at Onego. [Stolitca na Onego], 24.10.2012. (<http://www.stolica.onego.ru/articles/189923.html>). Accessed 2.12.2013.

7. Yarovoy G. The basic approaches to the definition of the phenomenon of regionalism. [Osnovnye nauchnye podhody k opredeleniyu fenomena regionalizma]. “Northern Dimension” Antology. [Al'manakh «Severnoe izmerenie»]. Petrozavodsk, PetrSU publ., 2010. P. 82—100.

8. Yarovoy G. Regionalism and cross-border cooperation in Europe. [Regionalizm i transgranichnoe sotrudnichestvo v Evrope]. St-Petersburg, Norma, 2007. 280 p.

9. Yarovoy G., Belokurova E. European Union for the regions. What Russian regions could and should know about the EU. [Evropeiskiy soyuz dlya regionov: chto mozžno i nuzhno znat' rossiyskim regionam o ES]. St-Petersburg, Norma, 2012. 368 p.

10. Bindi Calussi F. The Committee of the Regons: an atypical influential Committee? // Van Schendelen M. (Ed.) EU Committees as influential policymakers. Aldershot: Ashgate, 1998. P. 225—249.

11. Bursens P., Deforche J. Going Beyond Paradiplomacy? Adding Historical Institutionalism to Account for Regional Foreign Policy Competences // The Hague Journal of Diplomacy. 2010. № 5. P. 151—171.

12. Duchacek I. The Territorial Dimension of the Politics: Within, Among and Across Nations. Boulder: Westview Press, 1986. 328 p.

13. Heininen L., Käkönen J. Introduction: What is New Northern Europe? // The New North of Europe. Perspectives on the Northern Dimension / Edited by Heininen L. and Käkönen J. Tampere: Tampere Peace Research Institute (Research report № 80), 1998. P. 7—13.

14. Huysseune M., Jans M.T. Brussels as the capital of a Europe of the regions? Regional offices as European policy actors // Brussels Studies. 2008, № 16. (http://www.brusselsstudies.be/medias/publications/EN_57_BruS16EN.pdf). Accessed 2.12.2013.

15. Keating M. Regions and International Affairs // Keating M., Aldecoa F. Perediplomacy. London: Frank Cass, 1999. P. 1—15.

16. Kuznetsov A. Subnational Governments in International Affairs: A Study on Theory and Practice of Paradiplomacy. Lucca: IMT Institute for Advanced Studies, 2011. (http://e-theses.imtlucca.it/81/1/Kuznetsov_phdthesis.pdf). Accessed 2.12.2013.

17. Lecours A. Paradiplomacy: Reflections on the Foreign Policy and International Relations of Regions // International Negotiation. 2002. № 7. P. 91—114.

18. Lecours A. Political Issues of Paradiplomacy: Lessons from the Developed World. (http://www.clingendael.nl/publications/2008/20081217_cdsp_diplomacy_paper_paradiplomacy.pdf). Accessed 2.12.2013.

19. Moore C. The Impact of Devolution on EU-Level Representation: British Regional Offices in Brussels // Regional and Federal Studies, 2007, Vol. 17, № 3. P. 275—291.

20. Perkmann M. The Rise of the Euroregion. A Bird's Eye Perspective on European Cross-Border Co-Operation, 2007. (<http://www.lancs.ac.uk/fss/sociology/papers/perkmann-rise-of-euroregion.pdf>). Accessed 2.12.2013.

21. Sharafutdinova G. Paradiplomacy in the Russian Regions: Tatarstan's Search for Statehood // Europe-Asia Studies. 2003. Vol. 55. № 4. pp. 613—629.

22. Soldatos P. Cascading Subnational Paradiplomacy in an Interdependent and Transnational World // Fry E., Brown D. (eds.) States and Provinces in the International Economy. Berkeley: Institute of Governmental Studies Press, 1993. P. 112—135.

23. Summary of the Evaluation of Council Regulation 99/2000 (TACIS) and its implementation. (http://ec.europa.eu/europeaid/how/evaluation/evaluation_reports/evinfo/2006/728_ev_en.pdf). Accessed 2.12.2013.

24. Vos H. et al. The conditio sine qua non of the added value of regions in the EU: upper-level representation as the fundamental precondition // *European Integration*. 2002. Vol. 24, № 3. P. 201—218.

25. «Alexander Hudilainen: “We hope that the changes in the economic structure of Karelia will awake an echo in Finland” “ [Alexander Hudilainen: My nadeemsya, chto izmeneniya v strukture ekonomiki Karelii naidut otklik v Finlyandii]. (http://www.gov.karelia.ru/News/2012/09/0912_10.html). Accessed 2.12.2013.

26. «Alexander Hudilainen: “Our doors are open” [Alexander Hudilainen: “Nashi dveri otkryty”]. *Vesti-Karelia. Week’s top stories*. [Vesti-Kareliya. Sobytiya nedeli], 20.08.2013. (<http://petrozavodsk.rfn.ru/rnews.html?id=1522073>). Accessed 2.12.2013.

27. Alexander Stubb goes to Northwest Russia, *Barents Observer*, 08.02.2011. (<http://barentsobserver.com/en/sections/topics/alexander-stubb-goes-northwest-russia>). Accessed 2.12.2013.

28. Head of the Republic of Karelia Alexander Hudilainen visited Finland. [«Vizit Glavy Respubliki Kareliya Alexandra Hudilainena v Finliandiyu»]. (<http://rusfintrade.ru/site/article/2338>). Accessed 2.12.2013.

29. Naryshkin has invited Hudilainen to visit Finland. [«Naryshkin priglasil Hudilainena v Finliandiyu»], 03.04.2013. (<http://karelinform.ru/?id=37194>). Accessed 2.12.2013.

Revisiting paradiplomacy as a tool for regional development

YAROVY
Gleb

*PhD in Political Sciences,
Chair of Political Science and International Relations,
Petrozavodsk State University
Faculty of Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, gleb.yarovoy@mail.ru*

Keywords:

regional paradiplomacy
cross-border cooperation
trans-frontier regional integration
European Neighbourhood Instrument
learning region

Summary:

The article analyses the category of "regional paradiplomacy" aiming to show how the resources of the external regional environment are used by subnational authorities and other actors for socio-economic and cultural development. To this end, an analysis of different forms and instruments of regional paradiplomacy — internationalization, transnationalization and cross-border cooperation — is conducted from the theoretical and empirical perspectives. Forms of regional paradiplomacy are illustrated with an example of the Republic of Karelia. Based on the study of paradiplomatic activities of the border region, the author concludes that not all forms of "communication" with the external environment are used by regional actors in effective way. It is argued that in order to create a "learning region", which would meet the requirements of global politics and the global economy, more attention should be paid to cooperation with international governmental and non-governmental organizations, as well as with foreign states and sub-state actors in Europe.